

Анатолий
Аврутин

Нестерпимая музыка

Книга поэзии

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2018

УДК 821.161.3-1

ББК 84(4Бел)-5

A21

Серия основана в 2018 году

Редакционный совет:

*А. Н. Карлюкевич, И. В. Саверченко, Л. Ф. Анцух, М. П. Поздняков,
В. В. Гиломедов, А. Ю. Аврутин, З. К. Пригодич*

Предисловие

Екатерина Полянская

Аврутин, А. Ю.

A21 Нестерпимая музыка : книга поэзии / Анатолий Аврутин ; предисл. Екатерина Полянская. — Минск : Четыре четверти, 2018. — 192 с. — (Библиотека лауреатов Национальной литературной премии Беларуси).

ISBN 978-985-581-206-8.

В книгу избранных произведений известного поэта Анатолия Аврутина — академика Международной Славянской Академии (Болгария), действительного члена Академии российской литературы, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств и российской Академии поэзии, лауреата многих международных литературных премий разных стран, Почетного члена Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии, вошли лучшие стихи автора, созданные за сорок пять лет творчества. Многие из них давно стали хрестоматийными.

Для широкого круга читателей и специалистов.

УДК 821.161.3-1

ББК 84(4Бел)-5

ISBN 978-985-581-206-8

© Аврутин А. Ю., 2018

© Полянская Е. В., предисловие, 2018

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2018

Опрокинутая бездна Анатолия Аврутина

Никогда не была согласна с теми, кто говорит о закате русской традиционной поэзии. В любой момент просто навскидку могла бы назвать не один десяток имен прекрасных современных поэтов из самых разных мест. Но даже на таком фоне Анатолий Аврутин, на мой взгляд, — ярчайшее и крупнейшее явление, именно явление, в современной поэзии и литературе вообще. Поэт традиционный в самом высоком смысле этого слова. Ведь настоящая традиционная литература — это не только и не столько самовыражение, а также вовсе не самозабвенное выворачивание себя наизнанку перед публикой (дескать, глядите — я такой же гадкий, как вы все), но в первую очередь всегда стремление к бесконечному совершенству, всегда движение в сторону вечности и беззаветное служение ей. Да, традиционная поэзия — это самоотречение и стремление поэта выстроить свой (а, стало быть, и читателя) внутренний мир по высочайшим, порою просто недостижимым ориентирам. И пусть они практически недостижимы в обыденной жизни, но без этого стремления автора нет и не может быть поэзии как таковой.

И все творчество Анатолия Аврутина являет собой великолепный пример именно такой, настоящей, традиционной, литературы:

*И не понять, зачем душе любезно
Напрасное гудение в крови,
В котором опрокинутая бездна
И трепет, что попробуй, улови.*

Мало кто задумывается, какой высочайший уровень таланта и мастерства, какое мужество требуется от поэта сейчас, чтобы писать о вещах самых простых и сложных одновременно, о понятиях, которые были есть и будут самыми главными для каждого человека — о любви, ненависти, жизни, смерти... О детстве и Родине... Особенно — о любви в ее всеобъемлющем значении к женщине, своему дому, своей земле, о любви как главной человеческой ценности. Анатолий Аврутин обладает этим талантом и мужеством в высочайшей степени. Он умеет написать о самом сокровенном от вполне житейского:

*Кого я в юности любил —
тех и доньше вспоминаю.*

До высочайшего:

*...И лишь о матери рыдать,
И лишь о Родине молиться.*

Написать так, чтобы читатель был буквально пронзен этой сокровенной и высокой любовью, ощутив при этом не только боль понимания краткости человеческой жизни и одиночества перед лицом вечности, но и уди-

вительную радость присутствия этой вечности в себе,
в своей душе, отозвавшейся высокой поэзии:

*Я настолько горбат!..
Даже страшно, насколько горбат...
.....*

*А ты живи — не нужен и не признан,
А, впрочем, можешь даже и не жить.*

Но:

*...И светает в груди... И душа по-над бранным воздета,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.*

Да, поэзии Анатолия Аврутина присуще трагическое мироощущение. Но это — высокая и именно «оптимистическая» трагедия жизни, в которой:

*Только грохни ведром —
отзовется тоска мировая...*

И даже ужас у него не разрушающий личность ужас смертной твари, но... **ужас — Отечеству равновеликий...**

По большому счету это и есть божественный, созидающий Ужас творчества. И в каждом, даже очень небольшом по объему стихотворении, разворачивается, живет и дышит своя удивительная, вполне законченная история —

многоуровневая и многогранная, с зачастую неожиданным житейским и глубоким философским смыслами.

Именно поэтому стихи Аврутина — такие живые и настоящие — заставляя читателя думать и сопереживать, помогают ему со спокойным мужеством принять временность и печаль своего земного бытия, слабость и уязвимость плоти и силу духа, огромность и трагическую неразделенность любви к Родине. Они помогают жить и оставаться человеком в этом сложном, жестоком и прекрасном мире. Ведь в этих стихах всегда присутствует внутренний свет и жар любви, в них есть выход в бесконечность — к свету вечному и жизни всеобъемлющей:

*Есть два понятия — Родина и смерть,
Которые почти неразделимы...*

или:

*Когда Отчизне смертников не хватит,
Тогда Отчизна хватится тебя...*

И вдруг:

Но какой горизонт! Но какой горизонт просветленный!
.....

*На большую печаль
мне Отчизна ответит печалью,
На рыданье ответит стократным рыданьем она...*

Отдельная тема — отношения поэта и времени. Здесь много о чем можно задумываться и рассуждать, скажу только, что Анатолий Аврутин в нескольких поразительно точных штрихах умеет дать портрет целой эпохи:

*И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль...
.....*

*Какая мостовая — а по ней
Какой же чудо-обруч гонит Юрка!*

И всего-то лишь несколько строчек, но в них — все, добавить просто нечего, картина создана — зримая, выпуклая, дышащая. словно бы открыто окно в давно ушедшее время с его воздухом, светом, звуком, с его человеческим горем и радостью.

Время у поэта может измеряться в чем угодно, например, в поездах («два поезда тому назад»). Оно может сужаться:

*...до расшатанной дверцы,
До — острой, с зазубриной — края...*

Оно может качаться, истончаться, через него могут лететь стрелы («...а во след ей вторая — сквозь время! — стрела полетит»), но оно всегда перетекает в вечность, даже если

это — «целая вечность утрат», потому что настоящий поэт — действительно, «вечности заложник у времени в плену».

Конечно, поэзия неуловима, а укрощение мощной, но весьма опасной энергии слова мастерством, способность направить ее в русло гармонии и преобразовать таким образом, чтобы нечто, звучащее в пишущем, зазвучало и в читающем, — великая притягательная тайна.

Она, эта тайна поэзии, бесконечно больше и древнее нас, поэтому вряд ли существует ее исчерпывающее определение. У каждого оно свое. Но если я хотя бы отчасти права, и поэзия — это все-таки энергия рвущейся в бесконечность боли бессмертной человеческой души, запертой в смертном и конечном теле, но энергия, преображенная гармонией, тогда это и есть волшебство, превращающее обычные человеческие слова и строки в нечто неизмеримо большее. Только в его незримом, неосязаемом присутствии все звучащее в пишущем вдруг начинает звучать и в читающем. Только когда оно, это волшебство, есть, человеку становится печально чужой печалью, светло — чужим светом, но сердце его болит при этом от *своей* любви, от *своей* памяти. И вот именно это волшебство в полной мере присуще стихам Анатолия Аврутина, поэзию которого я бы определила для себя как удивительный сплав страстей высочайшего накала и мудрости человека, много повидавшего и испытывавшего на своем веку, гражданского мужества и тонкого лиризма. Я определила бы ее как пульсацию под безупречной с точки зрения формы оболочкой стиха до предела сжатой энергии боли, причиняемой миром, и в то же время сочувствия этому беспощадному

и одновременно хрупкому миру, энергия великой любви — горькой, безнадежной и бесстрашной.

Поэзия Анатолия Аврутина — и от жизни, и сама — жизнь. Та самая, где в строки переплавлена человеческая судьба. Это — когда вокруг тебя:

Ни души, но все вокруг — душа...

Это — предвечный, необъяснимый с рациональной точки зрения (но ведь поэзия и обращена к иррациональному в человеке, больше к душе, нежели к разуму, к иной стороне разума, если хотите) почти невместимый человеком ужас творчества, о котором сказано еще в книге Иова.

Это — когда ты вроде бы вне мира и оттого видишь мир целиком почти со стороны, но вместе с тем ты — настолько внутри мира, что не просто понимаешь его изломанность и боль, но сама линия излома этого мира проходит через тебя:

*Мир изломан... Линия излома
Бьется синей жилкой на виске.*

Все сказано. Невыносимо просто о самом сложном. И так полно, что и добавить больше нечего, да и незачем.

Екатерина Полянская,
поэт, лауреат премии им. Анны Ахматовой,
г. Санкт-Петербург

Несовременно?.. Вот и пусть!
С собою в спорах,
Учу травинку наизусть,
Колосьев шорох.
Не по рассказам, не из книг,
Душою мучась,
Навзрыд учу лебяжий крик,
Листвы летучесть.
Который день, который год
Почти построчно
Учу, как зреет умолот
В колосьях сочных.
Учу росинку, василек,
Зарю над пожней.
И свет лучится между строк,
Мой свет тревожный...

Узколицая тень все металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятой,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб, во тьме растворяясь, молитвенных слов
не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

В струеньи жизни быстротечном
Слышнее грома — только тишь.
Вовек не станет слово вечным,
Когда о вечном говоришь.
Но если, предваряя звуки,
Вдруг захлебнешься тишиной,
Немым предвестником разлуки
Простор увидится сквозной.
И так от выдоха до вдоха,
От первых дней до серых плит...
И кем ты стал — решит эпоха,
А вечность — кем не стал решит...

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времен,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее
Такою ненастной порой
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь: все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

То ли это судьба... То ли так, по наитью,
Я забрел в этот маленький камерный зал...
Помню женщину в белом... И мальчика Митю,
И оркестрик, что Моцарта тихо играл.

Крепко спал билетер... Никаких декораций.
Прямо в сердце со сцены лилась ворожба.
Мне казалось, вот так Ювенал и Гораций
Тоже звукам внимали, а муза ждала.

Я спешил... И ушел посреди перерыва,
Тихо вышел, прикрыв осторожную дверь.
И во след мне сквозь окна плыла сиротливо
Эта музыка частых разлук и потерь.

Есть предел... Но есть нечто еще за пределом,
И являются, если с душой не в ладу,
Этот камерный зал... Эта женщина в белом...
Этот стриженный мальчик в десятом ряду.

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, *милай?*.. — И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь, несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, — по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где, красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что, с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И рождается Иван от Ивана —
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу...

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске.

Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника «Времена», книги избранных произведений «Просветление».

Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. И. Анненского, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля, «Серебряный голубь России-2017» (все — Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» и им. Г. Сковороды «Сад божественных песен» (Украина) и др.

Академик Международной славянской академии (Варна, Болгария), действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской академии поэзии и Петровской академии наук и искусств, академик международной литературно-художественной Академии (Украина). Член Общественной палаты Союзного государства России и Беларуси. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Содержание

Опрокинутая бездна Анатолия Аврутина. <i>Е. Полянская</i>	3
«Несовременно?.. Вот и пусть!..»	10
«Узколищая тень все металась по стареньким сходням...»	11
«В струеньи жизни быстротечном...»	12
«Ничто не бывает печальней...»	13
«То ли это судьба... То ли так, по наитью...»	14
«Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом...»	15
«Дрожат небесные лучи...»	16
Грушевка	18
«...Наш примус все чадил устало...»	19
«...Но жизненные органы задеты...»	20
Автодорожка. Детство	21
«К сентябрю все реже редколесье...»	29
«О, женских имен нестерпимая музыка!..»	30
Прощание с августом	32
«Вьюги поздним набегом...»	34
«Не брести, а скакать...»	36
«Полночь... Пусто... Одиноко...»	38
«И снова играют... Не Баха, а Верди...»	39
«Спешите медленнее жить...»	40
«Среди зловещей тишины...»	41
«Кто там плачет и кто там хохочет...»	42
Ночные стихи.	44

«Четвертый час... Неясная тоска...»	46
«Закричала одна... Занедужил другой...»	47
«Как летят времена!..»	48
«Если вдруг на чужбину...»	52
«Бредет навстречу дряхленький Мирон...»	53
«Я з Крыниц... Жыва пакуль...»	54
«Сколько нищих прошло...»	56
«Может быть, года тому виною...»	58
«Стою на сквозняке... — Ты кто? — Аврутин...»	59
«Не проще тени... Не светлей звезды...»	60
«Звук обронил и не поднял...»	61
«Как быстро все это, как скоро!..»	62
«Меня чуть что лекарством пичкая...»	63
«Кто во гробе?... Папа мой лежит...»	64
«Снег покружится и ляжет...»	68
«Женщины, которых разлюбил...»	69
«Не согрел кипяток...»	70
Нерон	72
«Языки мелеют, словно реки...»	75
«Снега́ или сне́ги? Теней вереницы...»	77
«Мы пришли и уйдем...»	78
«Как тревожен пейзаж...»	80
«В груди свистело... Стыли полукружья...»	82
«Стою у русского предела...»	83
«Все багровой зарево...»	84
«Немое кино	86

«От забытой сторожки...»	88
«Месяц горбат и юродив...»	90
«Промозгло... Не скрипнут двери...»	91
«Стою у шоссе... Голосую...»	92
«В этом доме к утру по углам задрожит паутина...»	94
«Не шути с огнем!.. Не шути, согнем!..»	95
Август забытой любви	96
«Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи...»	98
«Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы...»	99
«...Трудно? Трудно! Но я держусь...»	100
«Вдали от России...»	102
«Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы...»	103
«Небо изрытое, небо сквозное...»	104
«Снова мокрый декабрь... Очертанья не рэзки...»	106
«Вновь темнеет... Резко... Скоро...»	107
«Не закрыта калитка...»	108
«Спозаранку выскочишь, не чёсан...»	109
«И солнце в зените. И радостный я...»	110
«Пусть еще не погасла закатная медь...»	112
«Когда подступает обид череда...»	113
«Он куда-то спешил, от натуги почти что немея...»	114
«Клокотал, задыхался, сердился базар многоликий...»	115
«Мокрый снег... Неладное в природе...»	116
«Забываю тебя забыть...»	117
«Откуда этот гул возник...»	118
«Научусь любить издалека...»	120

«Иных пустынь иные миражи...»	121
«Смотрю женатыми глазами...»	122
«Морозец серебрит твоё дыханье...»	123
«Эта робкая сирость нищающих тихих берёз...»	124
«По хлипкой тропинке брести осторожно...»	125
«Снова колокол бьёт...»	126
«И опять на песке блики белого-белого света...»	128
«Скупой слезой двоя усталый взгляд...»	129
«Эти пути сквозь ночь в сущности не разнятся...»	130
«Привык рубить сплеча...»	131
«Чёрные отсветы чёрных прозрений...»	132
«Предаст любимый...»	134
«Прозрачный призрак принес прозренье...»	135
Красное...	136
«Гоня простуду на губе...»	137
«Эх, неужели, неужели...»	138
«Веранда. Полдень. Дождь отвесный...»	140
«Холодное, мокрое лето...»	141
«Швырнули речке в душу камень...»	142
«Купалась женщина в реке...»	143
«У окна, в притихшей электричке...»	144
«Курит женщина в коридоре...»	145
В тридцать лет	146
«Я помню холодные женские руки...»	147
«Безлюбье... Тоски одинокой безгубье...»	148
«Поземка кружит, одинокость струя...»	149

«Октябрь... Во мгле оцетинились ели...»	150
«Золотистым нерезким просветом...»	151
«Только дождь... Только ночь... Только ветер...»	152
«Звезда, исполненная мрака...»	153
«Давно не ревную, давно не ревнуют меня...»	154
«Чуть первые тени прорежутся из темноты...»	155
«Эта жизнь лишь мгновение длится...»	156
«Что осталось в душе?.. Только мутное серое облако...»	157
«Расстегнутый ворот... Спешу — не спеши...»	158
«Глухари токуют в глухомани...»	159
«Узелок развязать не могу, как его ни развязывай...»	160
«Эх, с каким остервенением стирала...»	161
«Что-то случилось на той стороне...»	162
«Черта... Забвения печать...»	163
«Такое вот имя — Ирина, Арина...»	164
«Не учи меня, голуба, где в ночи бурьян...»	165
«Свет вечерний, тихий свет вечерний...»	166
«Заскорузлый пейзаж. Заходустье...»	167
«Шагаю... Безумно устали ноги...»	168
«Она всего лишь руку убрала...»	169
«Как же тянет порой воротиться к истокам...»	170
«Подошла, расхристана, по стуже...»	171
«Спи, ненаглядная...»	172
«Я в этот бурный мир пришел издалека...»	174
«Всё подряд — и хвори, и усталость...»	175
«Средь стольких ближних близких не видать...»	176

«Таял день, прохладую влеком...»	177
«Когда отзовется холодным и сумрачным вечером...».....	178
«Средь вселенского накала...».....	179
«Все ложно... Даже правда ложна...»	180
«Такое время... Сентябрит...».....	181
«Чуть первые тени прорежутся из темноты...»	182
«Еще не все сказал я Богу...»	183
«Первое августа. Завтра Илья...»	184
Об авторе.....	185